

УДК 94(410)

КОНЦЕПЦИЯ «ДРЕВНЕЙ КОНСТИТУЦИИ» В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

© 2013 С.Б. Семенов

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Поступила в редакцию 30.09.2013

В статье рассматриваются представления английских радикальных публицистов XVIII века об исторических истоках английской конституционной системы. На основе анализа текстов политических и исторических сочинений реконструируется историографическая концепция «древней конституции», которая, наряду с теорией общественного договора, стала идеологической основой для радикальной программы парламентской реформы.

Ключевые слова: английская конституция, Просвещение, общественный договор, разделение властей, радикалы.

Как известно, одна из парадоксальных особенностей политического устройства Британии заключается в отсутствии писаной конституции.

Тот небольшой набор законодательных актов, который составлял остов конституционно-правовой системы, как, например, Билль о правах или Акт об урегулировании, позволял толковать его каждому по своему усмотрению. Поэтому вопрос о происхождении, характере и структуре английской конституции постоянно становился предметом теоретических и политических дискуссий. И XVIII век в этом смысле не является исключением. «Ни о чем так много не говорится и ничего так мало не понимается, как *английская конституция*, – писал по этому поводу политический публицист лорд Эбингдон. – Каждый цитирует ее по всякому случаю, но немногие знают, где ее искать»¹. При этом обсуждение конституционных проблем происходило в русле осмысления бурных событий второй половины XVII века, что придавало этим дискуссиям особый смысл.

К середине XVIII века были распространены три различных представления, связанных с происхождением конституции. Первое – это «божественное право», наиболее подробно описанное Филмером в его «Патриархе» и впоследствии подвергнутое критике Джоном Локком. Второе – первоначальный (или общественный) договор, изложенный самим Локком и имевший характер политической гипотезы. И третье и, пожалуй, самое оригинальное – «древняя конституция».

Отсылки к ней можно встретить уже на рубеже XVII-XVIII вв. в работах представителей

так называемой «истинно вигской» традиции. Это были политические мыслители, которые считали себя наследниками выдающихся деятелей XVII в., традиций Славной революции 1688-1689 гг. и выступали за ограничение королевской прерогативы и верховенство парламента в вопросах законодательства и налогообложения.

Исторически сложившееся в Англии триединство власти в лице короны, лордов и общин они считали идеальной формой для принятия справедливых законов при условии, что ни одна из ветвей власти не будет нарушать своей прерогативы. Они также полагали, что каждый англичанин имеет конституционные права на жизнь, свободу и собственность и что никакая власть не вправе посягать на них иначе как по закону страны².

Сочинения «истинных вигов» были достоянием сравнительно узкого круга интеллектуалов, а их рассуждения имели характер умозрительных абстракций. Но в 60-70-х гг. в связи с обострением политической ситуации в стране их идеи и, в частности, теория «древней конституции» приобретают широкую популярность.

Наиболее подробно она была изложена в трактате Обадаия Хьюма «Историческое эссе об английской конституции», опубликованном в 1771 г.³ Этот опус, как и большинство работ, вышедших из-под пера радикальных авторов, был написан в связи с проблемой парламентской реформы, и свою главную задачу Хьюм видел в том, чтобы убедить публику в справедливости требования ежегодных парламентов. Это была его политическая *idée fixe*, которой он придавал исключительное значение, отождествляя ежегодные выборы в парламент с самой свободой: «Где прекращаются ежегодные выборы, там

Семенов Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора.
E-mail: semenov@samara.mgpi.ru

начинается рабство»⁴. Хьюм доказывал это ссылками на историческую практику и конституционную традицию.

В его представлении основы конституционного устройства Англии были заложены в древний англо-сакский период, когда мудрые предки нынешних англичан создали истинно демократическое правление, основанное на «естественных правах человечества». Основопологающим принципом этого правления был принцип представительства, при котором избирательные права находились в руках народа и он «делегировал свою власть» достойным лицам, осуществлявшим функции управления. Все должностные лица государства снизу доверху избирались народом, ибо «у сакских предков в их системе правления не существовало иного принципа, по которому власть или должность могут быть законно получены, кроме как от коллектива людей, имеющих право вручать ее»⁵. Относительно того, кто были эти люди, имеющие право голоса, Хьюм писал, что рыцарей графств избирали сельские жители, а представителей от городов или *burgesses* – домовладельцы, уплачивающие местные налоги и подати⁶.

Зная пороки человеческой природы и понимая, что власть портит человека, мудрые предки постановили, что «они никогда не отдадут свою естественную свободу и не перепоручат свою власть принимать законы никакому человеку более чем на один год»⁷. Это стало вторым основополагающим принципом английской конституции, составляющим, по словам Хьюма, ее «квинтэссенцию, ее жизнь и душу, основу всей структуры правления». Единственным исключением в этой системе была королевская власть, но и она вручалась народом королям на *пожизненное* правление.

О. Хьюм обращал внимание еще на две особенности государственного устройства древних англо-саксов: разделение властей между различными органами и отсутствие аристократии. Первая из них выражалась в существовании в англо-сакском государственном устройстве трех органов власти, независимо исполняющих свои функции в управлении государством. Парламент, или уитенагемот, который издавал законы и распоряжения; королевский суд, контролировавший исполнение этих законов; сам король, который проводил эти законы в жизнь, – их взаимодействие не только создавало оптимальные возможности для управления, но и отражало баланс интересов основных социальных групп в политической системе. Что касается аристократии, то при короле Алфреде у саксов уже были баронские звания, но не как титулы, а как выборные должности представителей графств⁸.

Таким образом, основными исходными принципами английской конституции были народный суверенитет, выборность и периодическая сменяемость всех должностных лиц государства, разделение властей. И, по мнению О. Хьюма, эта система правления была намного совершеннее и разумнее, чем у греков или римлян, поскольку в большей степени соответствовала своему предназначению защищать жизнь и собственность граждан от насилия и гарантировать им свободу⁹.

Норманнское завоевание Англии привело не только к покорению страны иностранными завоевателями, но и «осквернило чистоту английской конституции или способа правления духом деспотизма». Вильгельм Завоеватель подчинил своей воле органы правления древних англо-саксов, он ввел в Англию аристократию, он лишил народ свободы и установил абсолютную власть над жизнью и собственностью подданных. Он не смог полностью уничтожить основы древнего конституционного устройства, которые сохранились в обычаях народа и «законе страны», и в стране установились две формы правления: первая, основанная на принципах свободы, и вторая, учрежденная на принципах рабства. С этого момента началась борьба между двумя диаметрально противоположными системами правления, борьба за возрождение конституции¹⁰.

Подобный взгляд на английскую историю не только придавал ей драматизм и напряженность, но и определял ее смысл и конечную цель. Борьба за восстановление исходных принципов конституции в защиту поправленных прав народа должна была стать целью всех истинных патриотов Британии, а призыв к этой борьбе формировал чувство принадлежности к великой исторической традиции и уважение к великим предкам. Тем более что народ добивался возвращения того, что принадлежит ему по праву и чего он был незаконно лишен. Короли после Вильгельма даровали как милость народу отдельные привилегии, на самом же деле они лишь частично восстанавливали то, что существовало за сотни лет до них.

Горячим поклонником теории «древней конституции» был известный радикальный публицист Джон Картрайт. В своем знаменитом памфлете «Сделай выбор!» (1776) он писал о том, как мудрые англо-саксы создавали свою конституцию, чтобы она служила счастьем людей и способствовала их моральному совершенствованию. В практике древней конституции были ежегодные парламенты, равное представительство и ответственность власти перед народом. Все последующие изменения лишь улучшали или ухудшали ее, но дух конституции и ее исходные принципы остаются вечными¹¹. В дру-

гих работах Картрайт будет постоянно возвращаться к этой идее, приписывая древней конституции все новые и новые достоинства, пока она в его описании наконец не приобретет полное сходство с его собственным политическим проектом парламентской реформы¹².

Теория «древней конституции» нашла отражение и в весьма популярной в свое время «Истории Англии» Кэтрин Маколей. Древний англо-сакский период она рассматривала как отправную точку в развитии Британии, когда были заложены основы конституционного устройства. В то время было создано истинно демократическое правление и обеспечены и гарантированы свобода и безопасность каждому жителю страны. Мудрые монархи соблюдали установленные с общего согласия законы и правила, учитывая интересы народа. Норманнское вторжение уничтожило или ослабило действие демократических институтов, усилило королевскую власть и поставило на место обычного права феодальный закон. Затем Реформация, «соединив в одном лице политическую и церковную власть», создала предпосылки для установления деспотического режима. И со времен Генриха VIII страна «неуклонно двигалась к рабству и общественному краху»¹³.

В этих рассуждениях обращает на себя внимание одно обстоятельство, а именно то, что теория древней конституции удивительным образом оказывалась похожей на популярные в эпоху Просвещения теории естественных прав и общественного договора.

Действительно, идиллическая картина происхождения и формы государственного устройства у древних англо-саксов является зеркальным отражением акта заключения «общественного договора» и идеального правления, основанного на принципах естественно-правовой теории. В соответствии с ней люди, некогда разобщенные и жившие по законам природы, однажды решили объединиться в общество, чтобы избавиться от всякого рода насилий и бедствий, проистекающих из первобытного состояния, и соединить свои усилия в делах, требующих коллективного взаимодействия. Далее они добровольно и по взаимному согласию отказались от части своих естественных прав, поскольку существование общественной организации подразумевает подчинение ее членов единым и обязательным для всех правилам. Для выработки этих правил, то есть законов, и для ведения общих дел люди учредили правительство, которому они доверили управление всем сообществом. Поскольку источником власти правительства является согласие всех людей, оно не может обладать никакой властью, кроме той, которую ему доверил народ. Независимо от того, какими титулами, привилегиями

или прерогативами пользуются должностные лица государства, независимо от того, называются они королями, сенаторами или знатными, – все они суть слуги народа¹⁴.

В этой хорошо известной модели общественного договора ключевыми были два момента. Во-первых, народ является учредителем и источником государственной власти и закона. Во-вторых, власть всякого правительства основана на доверии народа, и задача органов государственной власти заключается в том, чтобы не нарушать этого доверия и управлять в соответствии с интересами народа. Признание конституционного установления результатом сознательного акта народного соглашения давало возможность требовать участия народа в реальной политической практике. С другой стороны, если в основе конституции лежат интересы народа, то на основании их можно судить о ее современном состоянии и требовать их восстановления в случае нарушения.

Безусловно, обе теории – и естественно-правовая, и древней конституции – возникли из разных источников и независимо друг от друга. В то же время по своей внутренней структуре и логической организации они были почти идентичны. Первая утверждала, что все люди от рождения наделены совокупностью прав, в которые входят свобода и право на участие в законодательстве; соответственно, вторая наделяла этими же правами всех жителей Британии. Политическая доктрина Просвещения исходила из общественного договора, лежащего в основе любого государственного устройства; теория древней конституции – из того, что принципы английской конституционной системы были выработаны и узаконены англо-сакскими предками.

Как видно из приведенных примеров, теория «древней конституции» была для радикалов не просто историографической концепцией, но идеологической моделью. Ее суть заключалась в том, что свои требования политических реформ радикалы обосновывали ссылками на необходимость восстановления исконных, первоначальных основ государственного устройства Британии. Тезис о реставрации древней конституции позволял добиваться совершенствования политической системы, исправления накопившихся недостатков. Ибо, как писал Дж. Бург, один из самых непримиримых критиков политических порядков в Англии: «Нынешняя форма правления [в лице] короля, лордов и общин, если бы она была восстановлена в ее истинном духе и эффективности, обеспечила бы всю свободу и счастье, коими великий и добрый народ одарен в этом мире»¹⁵.

Это весьма любопытный момент в радикальной идеологической модели, когда для сугубо абстрактной концепции общественного догово-

ра было найдено неожиданное подтверждение в реальном (или, скорее, мнимо-реальном, поскольку Хьюм признает, что об англо-саксонском периоде не осталось никаких письменных свидетельств) историческом опыте. Древняя англо-саксонская конституция стала аллюзией общественного договора и принципа народного суверенитета. Радикалы синтезировали две разнородные теории, в результате чего теоретическая абстракция общественного договора приобрела черты хронологически удаленной реальности. В свою очередь английская конституция в их интерпретации воплотила в себе все истинные принципы и высшие ценности человеческого общества, и, таким образом, конкретная политическая задача восстановления конституции получила значение борьбы за общечеловеческие ценности. Конституция стала для них символом веры, который одновременно воплощал в себе политические и этические символы и ценности, такие как гражданская добродетель, мораль, благородство, мудрость, справедливость.

Гренвил Шарп полагал, что ее основополагающей максимой является «естественная справедливость». По мнению О. Хьюма, «избирательные права народа [являются] первым принципом нашей конституции». Лорд Эбингдон видел в ней прежде всего «безопасность жизни, свободы, собственности и свободы торговли», а для Дж. Каррайта английская конституция была воплощением совершенства и чистоты естественного закона, а ее «фундаментальными максимами» были принципы свободы, равенства, народного суверенитета¹⁶. Дж. Пристли писал в своем «Опыте», что государство в Великобритании является «лучшей реально существующей схемой гражданской политики». Много лет спустя он вновь вернулся к этому вопросу, чтобы подчеркнуть, что всегда был защитником «смешанного правления... и каждая публикация, подписанная моим именем, направлена в защиту нашей нынешней формы правления»¹⁷. Р. Прайс, в свою очередь, выражал восхищение генеральными принципами английской конституции. В одном из писем он писал: «Я настолько далек от предпочтения чисто республиканского правления, что смотрю на наше государственное устройство как на более других пригодное для этой страны, а в *теории* – совершенное»¹⁸.

Приведенные высказывания, а они характеризуют мнение абсолютного большинства авторов, показывают, что для радикальных интеллектуалов английская конституция была в большей степени воплощением принципов, а не сводом законов. По этой причине в характеристике конституции они чаще прибегали к метафорам и сравнениям, нежели к точным и определенным формулировкам. Так, например, лорд Эбингдон

сравнивал конституцию с кругом, а законы – с радиусом этого круга, «которые на его поверхности наносит своим пером парламент». И так же, как по правилу круга радиус не может пересекать линию окружности – парламент не может принимать законы, выходящие за пределы конституционного установления¹⁹. Даже в политических документах, где, казалось бы, определения должны быть максимально ясными, радикалы говорили о собственной конституции в аллегорической форме. Во втором обращении Общества конституционной информации в 1780 г. можно было прочесть: «Мы упоминаем эти великие принципы всего человеческого общества не потому, что хотим противопоставить их конституции нашей страны, но потому, что эта конституция происходит из них в гораздо большей степени, чем это обычно представляют»²⁰.

Подобная конституционная поэтика была предопределена парадоксом английского государственного устройства – конституционным порядком без конституции. Даже юристы-законодатели, не говоря уже о политиках, толковали его каждый по своему усмотрению. Радикальные авторы не были ни юристами, ни политиками, и они подходили к анализу и оценке конституции как социологи-аналитики. Они видели в конституции то, что хотели видеть, а именно реализацию основополагающих принципов общественного устройства, знакомых им по естественно-правовой теории.

Это был взгляд политических идеалистов, которому противостояла точка зрения политиков-прагматиков. Так, например, Э. Берк возмущало стремление некоторых «умозрительных политиков» рассматривать конституционные проблемы как «абстрактный вопрос». Правительство – это «практическая вещь, созданная для блага человечества», и конституция не есть некий постоянный и абстрактный символ. Она была создана в свое время применительно к конкретным обстоятельствам и развивалась исторически, приспособляясь к их изменению. Но она не была плодом трудов мудрых законодателей и не строилась на какой-то теории, поэтому бессмысленно и опасно ставить вопрос о ее «восстановлении» на основе первоначальных принципов. Конституция – это то, что она есть, а не то, что хотят в ней видеть, и если каждый возьмется судить о ней исходя из собственных представлений, «расщеплять и анализировать» ее как абстрактную схему и тем более предлагать проекты ее преобразования, здание государства будет разрушено²¹. Замечания Берка не отличались особенной теоретической глубиной, но в данном случае он и не претендовал на это. Э. Берк доказывал, и весьма убедительно, что тео-

рия и практика в политической жизни играют различную роль и что невозможно строить реальную политику на основе абстрактных схем.

Но, похоже, что очевидная идеализация прошлого несколько не смущала приверженцев теории древней конституции. Напротив, они постоянно обращались к идее возвращения к истинным истокам, и даже те авторы, которые не принимали теорию древней конституции, как, например, Р. Прайс и Дж. Пристли, воспроизводили в своих работах эту же историко-социологическую схему. Только место древней конституции в ней занимало «революционное установление 1688 года». Об их отношении к нему можно судить по проповеди Ричарда Прайса, произнесенной по поводу годовщины славной революции на заседании «Общества в ознаменование революции в Великобритании в 1789 г.». Прайс описывал это событие как значительнейший момент в истории страны, по масштабам и значению вполне сопоставимый с актом заключения общественного договора. Революция утвердила и узаконила принципы, составляющие основу английского конституционного устройства, как-то: свободу совести в религиозных вопросах, право на сопротивление власти в случае злоупотреблений и право выбирать себе правителей, смещать их и «создавать правительство для себя»²². То есть и в этом случае конституционное установление создавалось как бы по матрице народного соглашения и заключало в себе все основные характеристики идеального политического правления.

Приверженность историческому мифу составила одну из характерных особенностей радикальной идеологии, а призыв к реставрации древней конституции стал постоянным рефреном в радикальной пропаганде. Например, в предвыборном обещании Дж. Уилкса и Дж. Глинна в 1774 г., в частности, говорилось: «Обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы восстановить и защитить превосходную форму нашего правления»²³. В многочисленных публикациях, распространявшихся Обществом конституционной информации в начале 80-х гг. с целью политического просвещения и пропаганды, эта идея проводилась настойчиво и целеустремленно. Одна из причин этой настойчивости заключается в том, что тезис о восстановлении «древней конституции» полностью соответствовал их целевой установке: не уничтожить, а усовершенствовать существующую политическую систему. Табу на революционные преобразования заставляло радикалов искать идеал общественного устройства в прошлом, а не в будущем²⁴.

Для некоторых историков (Дж. Покок, Й. Кристи, К. Бонвик) наличие в радикальной иде-

ологии идеи реставрации является решающим аргументом для доказательства ее консервативного и даже реакционного характера. Выступая против подобной интерпретации, Дж. Бруэр справедливо отмечал, что для радикалов призыв к реставрации означал, по сути, стремление к установлению нового политического порядка, при котором решающая роль принадлежала бы не дворянской, но буржуазной собственности, а требования политической свободы шли рука об руку с требованием освобождения экономической деятельности от патронажа и контроля со стороны государства и аристократического патрициата²⁵. Айзак Крэмник также возражал против консервативной интерпретации, но уже на том основании, что, по его мнению, «английские радикалы, особенно после 1760 г., на деле были более расположены выстраивать свои аргументы в терминологии естественных, нежели исторических прав»²⁶.

Однако, как мы видели, радикальные теории проявляли удивительную способность придавать реальные черты философским абстракциям и, с другой стороны, находить в политической реальности выражение умозрительных принципов. Это проявилось и в отношении к английской конституции. Вслед за Дж. Локком они считали идеальным сочетанием теоретических преимуществ и практической целесообразности смешанное правление, в котором были бы представлены и соблюдены интересы монархии, аристократии и демократии. В нем содержатся гарантии против узурпации власти благодаря разделению властей; наконец, оно обеспечивает верховенство в принятии законов представительному органу, выражающему «соединенную власть всех членов общества», как писал Дж. Локк²⁷. Этот идеал был у них перед глазами в виде английской конституционной монархии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Abingdon, Earl of. Thoughts on the Letter of Edmund Burke, Esq.; to the Sheriffs of Bristol, on the Affairs of America.* Oxford. 1777. P.27.

² *Robbins C. The Eighteenth Century Commonwealthmen. Studies in the Transmission, Development and the Circumstance of English Liberal Thought from the Restoration of Charles II until the War with the Thirteen Colonies.* Cambridge (Mass.), 1959.

³ [*Hulme O.*] *An Historical Essay on the English Constitution: or, An impartial Inquiry into the Elective Power of the People, from the first Establishment of the Saxons in this Kingdom.* London, 1771.

⁴ [*Hulme O.*] *An Historical Essay on the English Constitution.* P.115.

⁵ *Ibid.* P.3-5, 6, 12-21, 31.

⁶ *Ibid.* P.28.

⁷ *Ibid.* P.6.

⁸ *Ibid.* P.28-29.

- ⁹ Ibid. P.3, 11.
- ¹⁰ Ibid. P.38-45, 55.
- ¹¹ *Cartwright J.* The Legislative Rights of the Commonalty vindicated, or Take your Choice! 2d ed. London, 1777. P.18, 20-22.
- ¹² См., например: *Cartwright J.* An Appeal on the subject of the English Constitution. Boston-London, 1797.
- ¹³ *Macaulay C.* The History of England from the Accession of James I to the Elevation of the House of Hanover. 5 vols. 3d ed. London, 1769. Vol.II. P.1. См. также: *Hill B.* The Republican Virago. The Life and Times of Catharine Macaulay, Historian. Clarendon press. Oxford, 1992. P.31.
- ¹⁴ *Priestley J.* An Essay on the First Principles of Government; and on the Nature of Political, Civil, and Religious Liberty. London, 1768. P.9-19, 23.
- ¹⁵ *Burgh J.* Political Disquisitions. An Enquiry into Public Errors, Defects, and Abuses. 3 vols. London, 1774-1775. (Reprint. Da Capo Press. N.Y., 1971). Vol.I. P.9.
- ¹⁶ *Sharp G.* A Declaration of the People's Natural Right to a share in the Legislature; which is the Foundamental Principle of the British Constitution of State. London, 1774. P.1; [*Hulme O.*] An Historical Essay on the English Constitution. P.6; *Abingdon, Earl of.* Thoughts on the Letter of Edmund Burke. P.54; *Cartwright J.* The Legislative Rights of the Commonalty vindicated, or Take your Choice! P.7, 18.
- ¹⁷ *Priestley J.* An Essay on the First Principles of Government. P.128; Memoirs of Dr. Priestley to the year 1795, written by himself: with a Continuation, to the time of his decease by his son. Vol.1-2. London, 1806. Vol.I. P.135-136.
- ¹⁸ *Price R.* Observation on the Nature of Civil Liberty. P.49; *Bonwick C.* English Radicals and American Revolution. Chapel Hill, 1977. P.186.
- ¹⁹ *Abingdon, Earl of.* Thoughts on the Letter of Edmund Burke. P.45.
- ²⁰ A Second Address to the Public, from the Society for Constitutional Information. London, 1781. P.13.
- ²¹ The Works of the Right Honorable Edmund Burke. 9 vols. London, 1808. Vol.4. P.204-205, 331,332.
- ²² *Price R.* A discourse on the love of our country delivered on Nov. 4, 1789 at the meeting house in the Old Jewry to the society for commemorating the Revolution in Great Britain. London, 1789. P.33-34.
- ²³ Annual Register. 1774. P.152.
- ²⁴ Увлечение теорией древней конституции и ее использование в политическом моделировании иногда приводило к весьма курьезным результатам. В 1784 г. Г. Шарп предложил фантастический проект восстановления древнего административно-территориального деления Британии на тайтинги (десятки) и сотни, чтобы на их основе возродить практику равного представительства.
- ²⁵ *Brewer J.* The Birth of Consumer Society: Commercialization in Eighteenth-century Britain. In: An Ungovernable People: The English and the Law in the 17th and 18th Centuries / Ed. by J. Brewer. London, 1978. P.199, 261.
- ²⁶ *Kramnick I.* Republican Revisionism Revisited // The American Historical Review. 1982. Vol.87. №3. P.4
- ²⁷ *Локк Дж.* Избранные философские произведения в двух томах. М., 1960. Т.2. С.75.

CONCEPTION OF AN «ANCIENT CONSTITUTION» IN THE ENGLISH POLITICAL THOUGHT OF THE SECOND HALF OF 18th CENTURY

© 2013 S.B. Semenov

Samara Branch of Moscow City Pedagogical University

The article deals with the ideas of English radical political writers of the 18th century on the historical origins of the English constitutional system. The undertaken analysis of the texts of political and historical works gives an opportunity to reconstruct the historiographical conception of the «ancient constitution» which became, along with the social contract theory, the ideological basis for the radical program of parliamentary reform.

Key words: English constitution, Enlightenment, Social contract, separation of powers, Radicals.